

А. П. Павлов
МОСКОВСКИЕ ДВОРЯНЕ И ИХ РОЛЬ В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Особое место в структуре государева двора занимал чин московских (или «больших») дворян. Его оформление произошло значительно позже прочих дворовых чинов (стольников, стряпчих, жильцов и выборных дворян) и относится к 70-м гг. XVI в. Под влиянием опричных земельных переселений серьезно нарушились прежние территориальные и служебные связи дворянства и связи аристократии с местными дворянскими обществами. Из общей массы выборных дворян, служивших при дворе по различным «городам», выделилась их аристократическая верхушка – дворяне московские, которые полностью обособлялись в служебном плане от уездных дворянских организаций. В последней четверти XVI в. происходит разрушение прежней, территориальной структуры государева двора и утверждение нового, чиновного принципа его строения. Вместе со стольниками и стряпчими московские дворяне служили исключительно по «московскому списку» и получали (вместе с прочими столичными чинами и думными людьми) преимущественное право на замещение высших придворных, военных и административных должностей в государстве¹.

Из других московских чинов московские дворяне выделялись прежде всего характером службы. В отличие от стольников и стряпчих, несших преимущественно придворную службу, служба московских дворян имела более «общегосударственный» характер. Служебные назначения московских дворян были самыми разнообразными – они служили воеводами в полках и городах, судьями в московских приказах, являлись послами и посланниками за рубеж, производили описания уездов и верстания на службу городских дворян, были объездными головами (охраняли порядок) в Москве и т. д. Если члены Боярской думы в соответствии со своим рангом и местническим положением занимали наиболее важные должности в государстве, то из московских дворян, численность которых в начале XVII в. составляла около 200 человек, комплектовался основной состав командных военных и административных должностей. В значительной мере именно на московских дворянах держался аппарат управления страной. Этим определялась видная роль данного чина в системе государственной власти России в конце XVI – начале XVII в.

Хотя в официальных списках государева двора (боярских списках) списки московских дворян стояли ниже стольников и стряпчих (а в конце XVI в. – и жильцов), в статусном отношении, вопреки распространенному в историографии мнению, они не были ниже стольников, а тем более

стряпчих и жильцов. Подобный порядок расположения чинов был обусловлен традицией – чины стольников, стряпчих и жильцов, которые составляли личный двор государя², оформились значительно раньше дворян московских, уже в первой половине XVI в.³ Сопоставимы между собой по статусу и реальному значению были стольники, стряпчие и жильцы, но не стольники и дворяне московские, которые выполняли различные функции при дворе и аппарате власти. В известном смысле положение московских дворян в государстве было не ниже, а выше положения стольников. Реальное соотношение и значение различных чинов служилых людей достаточно точно раскрывает так называемая «Записка о царском дворе», составленная московскими приказными в начале XVII в.: «При государе на Москве: бояре, окольничие, дворяне думные, дьяки думные... Потом дворяне большие московские, потом двор царьской: стольники, стряпчие, жилцы, дьяки по приказом, подьячие, дворяне из городов именуются выборные, дворовые, дети боярские всех городов»⁴. Здесь дворяне московские как чин, игравший видную роль в государственном управлении, стоят впереди стольников, стряпчих и жильцов и особо отделяются от этих собственно придворных чинов. Характерно, что именно московские дворяне, а не стольники в конце XVI – начале XVII в. были главным резервом пополнения Боярской думы⁵.

Высокий статус и значение дворян московских проявлялись в самом механизме комплектования этого чина. В отличие от стольников, в составе которых служила, как правило, аристократическая молодежь, московские дворяне в массе своей были людьми зрелого возраста. Этого требовал сам характер их служебных назначений. По этой причине не дворяне московские производились в стольники, а стольники жаловались в московские дворяне (в конце XVI – первой половине XVII в. мы встречаем лишь единичные обратные примеры). Представители наиболее знатных фамилий попадали в московские дворяне из стольников, выходцы из второстепенной знати жаловались в московские дворяне из стряпчих. Реже до чина московского дворянина дослуживались выходцы из нижних чинов двора – жильцы и выборные городовые дворяне. Попадание же непосредственно в ряды московских дворян представителей рядового уездного дворянства было практически исключено. Подобный механизм комплектования московских дворян обуславливал аристократический состав этого чина в целом – подавляющее большинство его представителей (76 %) в конце XVI – начале XVII в. принадлежало к княжеско-боярским аристократическим родам.

Сложившаяся к началу XVII в. замкнутая чиновная структура государственного двора закрепляла господство московской служилой знати при дворе и в государственном аппарате. Это вызывало недовольство со стороны

уездного дворянства, оказавшегося в значительной мере отстраненным от реального управления страной. Углубление противоречий между столичной знатью и провинциальными дворянскими обществами стало одной из важных причин Смуты начала XVII в.

В Смутное время провинциальное дворянство активно выступило на арену общерусской политической борьбы. В годы Смуты и в послесмутное время происходит интенсивное выдвижение представителей уездного дворянства при дворе. Наблюдается стремительный рост численности московских чинов, и, прежде всего, чина московских дворян, за счет выходцев из новых неродовитых дворянских родов.

Если накануне Смуты численность московских дворян не превышала 200 человек, то в 1615 г. (в начале царствования Михаила Федоровича), по данным боярской книги 1615 г. и других источников, на службе состояло 310 дворян московских. В 1618 г. их количество (по сведениям Осадного списка 1618 г. и других источников) достигло около 500 человек. В боярском списке 1626 г. числится уже 762 дворянина московских; в боярском списке 1627/28 г. – 823; в боярском списке 1629 г. – 839; в боярском списке 1630 г. – 945; в боярском списке 1631 г. – 968; в боярском списке 1632 г. – 1006 человек; в боярском списке 1638 г. – 1284; в боярском списке 1639 г. – 1316; в боярском списке 1640 г. – 1423; в боярском списке 1642 г. – 1220; в боярском списке 1644 г. – 1432⁶. За период с 1604 по 1644 гг. численность дворян московских увеличилась более чем в 7 раз.

Интенсивное пополнение состава московских дворян за счет преимущественно нижних чинов дворянства (жильцов и городовых дворян) приводило к существенным изменениям их генеалогического состава. Происходило значительное сокращение в составе московских дворян доли представителей княжеско-боярской знати по сравнению с досмутным временем. Всего в период царствования Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) мы имеем данные о службе в чине московского дворянина почти 2500 (2486) человек, представителей 694 фамилий. Из них лишь 283 чел. (11,4 %) были выходцами из старой родовой знати XVI века. К этой группе примыкали знатные выходцы из иноземной, главным образом, ногайской знати (28 чел.). 151 человек принадлежал к новой знати, выдвинувшейся в Думу и правящую боярскую среду в первой половине XVII в. (Вельяминовы-Воронцовы, кн. Волконские, Волянские, Измайловы, кн. Львовы, Нагие, Пушкины, Стрешневы). Всего на долю старой и новой знати, а также знатных выходцев из иноземных родов приходилось лишь 18,6 % (462 чел.) общего состава московского дворянства времени царствования Михаила Романова. Подавляющее большинство московских дворян рассматриваемого нами периода являлось выходцами из «дворянских» родов, служивших до Смуты в рядах уездного дворянства. Из 694

родов московских дворян 1613–1645 гг. лишь 107 родов, т. е. 15,4 % (733 чел. из 2486 дворян московских, или 29,5 %), выдвинули до Смуты своих представителей (причем зачастую лишь отдельных представителей) в состав высших чинов столичного дворянства (стольников, стряпчих и московских дворян). Значительная часть этих родов вовсе не упоминается при дворе в последней четверти XVI – начале XVII в. (до 1605 г.).

Однако активное пополнение рядов московского дворянства (в прошлом, до Смуты, аристократического по составу чина) выходцами из провинциальных служилых родов едва ли можно однозначно трактовать как процесс вытеснения старой знати рядовым дворянством. Попав в круг московской дворовой элиты, представители новых родов утрачивали связи с прежней «дворянской» средой (уездными дворянскими организациями) и стремились закрепиться в новой придворной среде, завязать с ее представителями тесные родственные и личные отношения.

Наиболее интенсивное выдвижение в московские дворяне выходцев из новых провинциальных служилых родов наблюдается в годы Смуты и в первое десятилетие царствования Михаила Романова. Пополнение состава московского дворянства в это время новыми людьми в значительной мере происходит за счет лиц, активно проявивших себя на службе в Смутное время и начале нового царствования. Характерно, что особенно щедро в состав московского дворянства в период с 1613 по 1626 гг. жаловались прежде слабо связанные с государевым двором смоленские дворяне, которые сыграли особо выдающуюся роль в деле освобождения Москвы – в московские дворяне было произведено 37 представителей этой дворянской корпорации. Заметно меньшее число пожалованных в московские дворяне дали другие города⁷. Следует отметить при этом, что дворянство Замосковных городов, традиционно составлявшее основную базу пополнения государева двора, выдвинуло в состав дворян московских лишь третью часть (119 человек из 350) из всех пожалованных в этот чин городовых дворян в 1613–1626 гг.

Из 762 московских дворян, упомянутых в боярском списке 1626 г., только 271 человек, т. е. немногим более трети (35,5 %), принадлежало к родам, имевшим в конце XVI – начале XVII в. своих представителей в московских чинах. Таким образом, в первой четверти XVII в. (в годы Смуты и в первые 13 лет царствования Михаила Романова) произошло решительное обновление генеалогического состава московского дворянства.

Однако в дальнейшем, во второй четверти XVII в., пополнение состава московских дворян представителями новых родов было значительно менее интенсивным, чем в первое десятилетие после Смуты, когда правительство активно жаловало высшими чинами лиц, проявивших себя в деле борьбы с интервенцией и показавших свою верность законной влас-

ти. Из 1431 дворянина московского, упомянутого в боярском списке 1650 г., только 337 человек (23,5 %) являлись представителями новых фамилий, не служивших в составе высших чинов московского дворянства (стольников, стряпчих и дворян московских) в первой четверти XVII в.⁸ Следует при этом отметить, что из них 74 человека (21,9 %) принадлежали к родам иноземного происхождения, многие из которых стояли довольно высоко в служебной иерархии Московского государства (кн. Шляковские, кн. Урмаметевы и др.). То обстоятельство, что подавляющее большинство (3/4) дворян московских середины XVII в. являлось выходцами из родов, утвердившихся (или начинавших утверждаться) в московских дворянах уже в первой четверти столетия, свидетельствует о продолжавшейся в первой половине XVII в. практике еще досмутного времени комплектования состава московского дворянства по принципу семейной преемственности. Об этом косвенно свидетельствуют и данные об изменениях состава чинов, из которых происходили пожалования в московские дворяне в первой половине XVII в. Из 716 московских дворян, которые были произведены в этот чин в первые 13 лет царствования Михаила Романова (1613–1626 гг.) и сведениями о прежнем чиновном положении которых мы располагаем, почти половина (350 человек) была пожалована из городских дворян и детей боярских, 211 человек были пожалованы из жильцов, 78 человек – из стольников, 37 – из стряпчих, 37 – из прочих чинов (дьяков, иноземцев и новокрещенов, голов стрелецких, патриарших стольников). В дальнейшем, во второй четверти XVII в., роль городских дворян как резерва пополнения состава московского дворянства заметно снижается. За период с 1632 по 1650 гг. (по данным боярских списков) мы имеем прямые сведения о пожаловании в московские дворяне 695 человек. Из них лишь 90 человек (13 %) были произведены в московские дворяне из городских дворян. В большинстве же случаев в московские дворяне в этот период жаловали из придворных чинов – жильцов (239 человек), стольников (40 человек), стряпчих (50 человек), стольников патриарха Филарета (235 человек). Лишь небольшая часть московских дворян (15 человек) была пожалована в 1632–1650 гг. из прочих чинов (голов стрелецких, дьяков, иноземцев). О прежнем чиновном положении 26 дворян московских в использованных нами боярских списках данные не приводятся. Следует отметить, что значительная часть произведенных в московские дворяне в 1632–1650 гг. стольников, стряпчих, патриарших стольников и жильцов в свою очередь являлась сыновьями самих московских дворян. Таким образом, в первой половине XVII в., в годы царствования первых Романовых, при комплектовании состава московского дворянства в конечном итоге возобладал принцип происхождения («отчества»), а не службы.

Выдвинувшиеся к концу первой четверти XVII в. в состав московского дворянства новые роды в основной своей части к середине века прочно укореняются в московской служилой среде. Одним из показателей этого может служить то обстоятельство, что из 2486 московских дворян, служивших в годы царствования Михаила Федоровича (1613–1645 гг.), почти половина (1059 человек, или 42,6 %) имела сородичей, служивших в составе стольников – лиц, приближенных к особе государя и придворным сферам⁹.

Проникновение в состав московского дворянства выходцев из рядов уездного дворянства не означало автоматического уравнивания их статуса со служившими в том же чине представителями знатных и видных придворных родов. В XVII в. существовала традиция (восходящая, очевидно, к более раннему времени) подразделения служилых людей различных дворовых чинов на ранги (статьи). Эти статьи определялись происхождением и прежним чином служилого человека. В апреле 1633 г. вместе с отправленным «по путивльским вестям» воеводой Федором Матвеевичем Бутурлиным «указал государь быть дворяном московским, которые из городов с меньших статей»¹⁰. В указе от 14 апреля 1628 г. о выдаче ямских подвод служилым людям предполагалось выделять «дворянам московским: 1-й статье князю Ивану Катыреву-Ростовскому по 11 подвод с проводником, 2-й статье князю Алексею Долгорукому по 9 подвод с проводником, 3-й статье князю Ивану Козловскому по 7 подвод с проводником, 4-й статье Миките Лихареву по 6 подвод с проводником, 5-й статье Юрию Редрикову по 5 подвод с проводником»¹¹. Упомянутые в указе 1628 г. о выдаче подвод имени московских дворян разных статей в «подлинном» боярском списке 1627/28 г. располагались в следующем порядке: имя кн. И. М. Катырева-Ростовского стоит 1-м по списку, имя кн. Алексея Гр. Долгорукова – 22-м, кн. Ивана (Ивановича) Козловского – 203-м, Никиты Парамонова Лихарева – 204-м, Юрия Анфиногенова Редрикова – 454-м¹². Как мы видим, последовательность расположения имен в указе 1628 г. совпадает с боярским списком, где имена служилых людей внутри чиновных групп, как правило, располагались в соответствии со степенью их знатности и значимости при дворе.

Одним из важных показателей статуса московского дворянина являлось его право на праздник Пасхи «видеть государские очи в комнате». Согласно установившейся традиции, ежегодно на Пасху находившиеся в столице члены государева двора и, в том числе московские дворяне, удостоивались чести быть поздравленными лично государем («видеть государские очи»)¹³. Наиболее знатные и близкие к придворным кругам лица получали право «видеть государские очи» в личных покоях царя («в комнате»), другие могли лицезреть государя «в передней»; остальная же часть

дворовых имела возможность «видеть государские очи» «в сенях»¹⁴. Нахождение во время праздничной церемонии «в комнате» рассматривалось дворянами как показатель особого, приближенного положения при дворе. Сохранились многочисленные челобитные московских дворян о пожаловании им права на Пасху «государские очи видеть в комнате»¹⁵. Свое право они мотивировали фактами нахождения «в комнате» на Пасху своих родственников, отчеством и службами¹⁶. Списки дворян, допущенных в комнату к государю на праздник Пасхи, сохранились от 1618/19–1620/21 гг. и с 1626 по 1644 гг., т. е. за большую часть периода царствования Михаила Федоровича. Как можно наблюдать, в списки пожалованных на Пасху в «комнату» входили отнюдь не случайные лица. На первых местах здесь стоят имена представителей виднейших княжеских и старомосковских боярских родов – кн. Катырева-Ростовского, кн. Трубецких, кн. Голицыных, кн. Куракиных, кн. Хованских, Шереметевых и др. Однако представители старинной княжеско-боярской знати составляли среди дворян московских, приглашаемых в «комнату» (всего за 1618/19–1644 гг. мы встречаем здесь имена около 250 московских дворян), лишь немногим более трети (95 человек, или 37,8 %). 45 человек (18 %) из допущенных к государю в «комнату» являлись представителями новой знати, выдвинувшейся в боярскую среду в первой половине XVII в. (кн. Волконские, Волинские, Пушкины, кн. Львовы, Нагие, Измайловы, Стрешневы). Почти половину (112 чел. из 250, или 45 %) пожалованных в «комнату» составляли выходцы из незнатных «дворянских» родов. Но и эти лица оказывались здесь отнюдь не случайно. Все они представляли роды, прочно закрепившиеся в московской придворной среде благодаря родственным и клановым связям, личной близости к царской семье. Среди них мы встречаем родственников видных придворных царя Михаила (Михалковых, Чемодановых, Траханиотовых, Глебовых, Толочановых, кн. Черно-го-Оболенских, Собакиных, Дубровских, Хрущевых и др.) и придворных патриарха Филарета (Колтовских, Зубовых, Леонтьевых), представителей родов, близких к царской семье и придворным кланам (Боборыкиных, Погожевых, Простевых и др.). Состав лиц, допущенных к государю в «комнату», не оставался неизменным и пополнялся новыми людьми – вновь пожалованными в «московский список» представителями родовой аристократии, родней тех дворян, которые уже имели доступ в «комнату», а также представителями родов, которые начинали выдвигаться в придворные сферы. Так, после бракосочетания царя Михаила с Евдокией Лукьяновной Стрешневой в списки дворян, допущенных в «комнату», активно проникают многочисленные представители рода Стрешневых, а также их родственников – Матюшкиных, Юшковых и др. В последние годы царствования Михаила Федоровича сюда жалуются родственники и

сторонники придворной группировки Б. И. Морозова (Иван Тихонович Траханиотов, Леонтий Степанович Плещеев и другие Плещеевы, кн. Львовы, Пушкины, Толстые, Яновы).

Допуск в царскую «комнату» на Пасху представителей различных слоев служилых людей (от знатного князя до выслужившегося на придворной службе неродовитого дворянина) свидетельствует о том, что реальный статус дворовых в XVII в. стал определяться уже не только происхождением и местнической честью, но и степенью близости к придворным сферам. Данное обстоятельство свидетельствует о процессе становления в рассматриваемый нами период новых придворных отношений, о пополнении старой служилой московской аристократии новыми, приближенными ко двору лицами и родами, а не о «вытеснении боярства дворянством», как считал В. О. Ключевский.

Таким образом, несмотря на преобладание в московских дворянах выходцев из новых, «дворянских» родов, состав этого важного чина государства двора в рассматриваемый период не был случайным. Его костяк составляли представители старой знати и тех дворянских родов, которые были прочно связаны с правящей придворной средой родственными и клановыми узами. Выдвинувшиеся при государевом дворе, благодаря активной службе в годы Смуты и послесмутное время, выходцы из новых служилых родов в значительной мере отрывались от прежней «дворянской среды» (уездных дворянских организаций) и становились членами нового сообщества — столичного дворянства, правилами жизни которого они руководствовались на протяжении своей дальнейшей карьеры.

Все это способствовало устойчивости и консолидации самого чина московских дворян, сохранению им своего правительственного значения.

Действительно, и на протяжении рассматриваемого нами периода (первой половины XVII в.) московские дворяне продолжали сохранять свое значение основного «стратилатского» чина — из их состава, судя по пометам боярских списков, данным разрядных книг и других источников, комплектовалась большая часть полковых и городовых воевод. Видную роль играли дворяне московские в центральном административном управлении — из их состава формировалась значительная часть приказных судей¹⁷. В большинстве приказов времени царствования Михаила Федоровича (29 из 50) мы встречаем судей из дворян московских (всего в приказных судьях этого времени состояло почти 90 (87) представителей этого чина). В 22 приказах московские дворяне выступали в качестве первых (главных) судей, а ряд приказов (Большой приход, Городового дела, Земский, Казачий, Каменный, Печатный двор, Холопий, а также Патриарший двор) возглавлялся преимущественно судьями из московских дворян. Кроме того, определенная часть дворян московских, по данным помет боярских списков, не будучи непос-

редственно приказными судьями, состояла на службе при различных приказах (преимущественно в Новой чети, Пушкарском и Разбойном приказах). Они выполняли функции судебных агентов, посыльных, сыщиков и т. д. Так, «приписанные» к Разбойному приказу дворяне (ежегодное их число в среднем составляло от 5 до 10 человек) посылались на места в качестве сыщиков по разбойным и татиным делам¹⁸. Помимо воеводской и приказной службы московские дворяне упоминаются в качестве писцов (подавляющее большинство лиц, производивших описания уездов в 20–30-х гг. XVII в., были московскими дворянами). Вдобавок, они выполняли обязанности объезжих голов на Москве для «бережения от огня» и охраны порядка, производили верстания на службу городских дворян и детей боярских, отправлялись послами и посланниками за границу, назначались в самые разнообразные посылки.

Хотя на протяжении XVII в. (особенно второй половины столетия) происходило заметное возрастание роли стольников в делах общегосударственного управления, основная часть военных и административных должностей в государстве в рассматриваемый нами период продолжала оставаться в руках московских дворян. Так, на приказной службе (в качестве судей приказов) в царствование Михаила Федоровича состояло почти 90 московских дворян и только 5 стольников (последние стояли во главе преимущественно дворцовых приказов). Согласно данным «наличного» боярского списка 1624/25 г., одновременно «по службам» находилось около 150 дворян московских (исключая вычеркнутых лиц) и только 15 стольников, а имена стряпчих в этой части «наличного» списка вовсе отсутствуют¹⁹. В боярском списке 1626 г. мы встречаем 197 помет о службах московских дворян на различных государственных должностях и только 26 помет подобного рода о службах стольников (13 % от помет о службах дворян московских). В боярском списке 1650 г. таких помет значится 167 для московских дворян и 42 для стольников (25 % от помет о службах московских дворян)²⁰. Соотношение «общегосударственных» служб стольников и московских дворян, как видим, к середине XVII в. хотя и изменилось, но не кардинальным образом. Одним из показателей сохранения видного положения московских дворян в системе чинов Московского государства может служить и то обстоятельство, что и в первой половине XVII в., как правило, не дворяне московские производились в стольники, а стольники жаловались в московские дворяне. В рассматриваемый период московские дворяне продолжали сохранять тесные связи с Боярской думой. Из 48 лиц, пожалованных в период царствования Михаила Федоровича в высшие думные чины бояр и окольничих, большинство (29 человек, или 60 %) было пожаловано из дворян московских²¹ и только 19 человек (40 %) непосредственно из стольников²².

Таким образом, к середине XVII в. московские дворяне сохраняли свое значение важного звена административного аппарата управления, основного резерва пополнения состава Боярской думы. Как важная составная часть правящей элиты Русского государства московские дворяне (по крайней мере, основной костяк представителей этого чина, прочно укорененный, как мы видели, в московской придворной среде) стояли над основной массой рядового провинциального дворянства.

Однако основанная на принципах родства и личных связей система служилых чинов Московского государства была внутренне непрочной и все более переставала соответствовать потребностям Нового времени. Во второй половине XVII в. под влиянием целого ряда объективных факторов (появление «полков нового строя», бюрократизация государственного аппарата, кризис поместной системы, упадок местничества и т. д.) наблюдается кризис и постепенное разрушение этой системы. Тем не менее, и в конце XVII в. между московским и провинциальным дворянством сохранялись серьезные социальные различия, доходившие до открытой вражды²³. Петр I решительно сломал старые, отжившие чиновные перегородки внутри дворянства, утвердив посредством Табели о рангах принципиально новую систему служебных отношений в государстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о московских дворянах последней четверти XVI – начала XVII в. см.: *Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.)*. СПб., 1992. С. 101–102, 113–117.

² См.: *Павлов А. П. Государев двор*. С. 108–109.

³ *Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 40–54; Назаров В. Д. О структуре государева двора в середине XVI в. (жильцы в 1550-е гг.) // Зубовские чтения. М., 2008. Вып. 4. С. 12–25; Павлов А. П. Государев двор. С. 101–103.*

⁴ АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 422.

⁵ См.: *Павлов А. П. Государев двор*. С. 117.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 22. Столпик 1; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 33; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 25. Столпик 2; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 51. Столпик 3; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 55. Столпик 3; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1084. Столпик 3; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 155. Столпик 2; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1064. Столпик 1; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 216. Л. 115–288; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Дополнительного отдела. № 4. Столпики 4 и 5.

⁷ Новгород – 23 человека, Рязань – 16, Суздаль – 14; Владимир, Кострома, Ржева – по 12, Ярославль – 5; Мещевск – 17; Козельск – 15; Серпейск – 13; Владимир, Кострома, Ржева – по 12; Вязьма – 11; Арзамас, Дорогобуж, Тула,

Романов – по 9; Алексин, Белев, Кашира, Дмитров – по 8; Калуга, Бежецкий Верх, Коломна – по 7; Медынь, Мещера, Zubцов, Можайск, Тверь – по 5; Брянск, Воротынск, Лихвин, Нижний Новгород, Юрьев Польский – по 4; Болхов, Горопец, Верей, Кашин – по 3; Галич, Луки Великие, Ржева Пустая, Таруса, Боровск – по 2; Алатырь, Белая, Муром, Переяславль, Руза, Серпухов, Старица, Торжок – по 1.

⁸ *Абучешевы* (здесь и далее курсивом выделены фамилии иноземного происхождения. – А. П.) (1 человек), Айгустовы (1), Александровы (2), Алфимовы (1), гречане *Ангурские* (1), *Андреевы* (2), Ансимовы (3), Арсеньевы (4), Астафьевы (1), кн. *Байтерековы* (2), Бакины (1), Бахметевы (2), Бешенцовы (2), Битяговские (1), Болшевы (1), Борковы (2), Борщовы (1), *Боярские* (2), Братцовы (1), Булатниковы (1), Бурцовы (3), *Бутковские* (*Буковские* – 1), *Былины* (2), Вахромеевы (1), Велковы (1), Вечесловы (1), *Вилишевские* (1), Витовтовы (1), Владычкины (1), *Власовы* (1), *Водорацкие* (1), *Волдовские* (1), *Вольские* (1), Выповские (1), Голедицкие (2), Головачовы (3), Гомзяковы (1), *Грушецкие* (1), *Дедковские* (1), Денисьевы (1), кн. *Джан Сюерева* (1), гречане *Дмитриевы* (2), Дохтуровы (1), Дубровины (1), кн. Дуловы (1), кн. Дябринские (1), *Езоповы* (1), Елчаниновы (1), Елчины (1), *Ендровские* (1), Ергольские (1), Ефимьевы (1), Ждановы (1), Жедринские (2), Житовы (3), Жоховы (1), Заборовские (1), Загарины (1), Захаровы (1), Зезевитовы (4), Золотаревы (2), Зыбины (1), Зыковы (1), Извольские (6), Изъединовы (6), Казимеровы (1), кн. *Канбаевы* (2), Карповы (2), Карцовы (1), кн. *Кейкуватовы* (2), Киреевы (1), *Клечковские* (1), *Климовы* (1), *Климовские* (1), *Княжецкие* (1), Кобыльские (1), Колемины (1), Колупаевы (1), Колобакины (1), Коновницыны (3), Коптевы (1), Коротневы (1), Косоговы (1), *Кострицкие* (1), *Костяевы* (1), Кошкины (1), кн. *Кошумовы* (1), Кречетниковы (1), Кривские (1), Кубасовы (1), Кузенева (1), Култуковы (1), Кучетцкие (1), Ларионовы (3), Левшины (2), Линева (2), *Ломские* (1), Лукины (2), кн. *Лукомские* (1), Лысцовы (1), *Македонские* (5), Малого (1), Малыгины (1), *Магмуселимы* (1), Маракушевы (2), Масловы (1), Мачехнины (1), Мерлеевы (1), Мертвого (3), Мерчуковы (1), Мещериновы (1), *Милодаровы* (2), *Мирчевы* (1), Можаровы (1), кн. Моложинские (1), Москотиньевы (2), Мунзорины (1), Мякинины (2), Нарышкины (1), Нектарьевы (1), Непейцины (1), Неплюевы (3), Нероновы (1), Никитины (1), Новиковы (2), Обернибесовы (1), Оболяниновы (2), *Обруцкие* (1), Обьедовы (1), Огалины (1), Огарковы (1), Огибаловы (3), Онучины (2), *Островские* (1), Офросимовы (1), Пазухины (1), Пановы (4), Парасуковы (2), Пашковы (4), Перелешины (2), Пестовы (1), Пестриковы (1), Пикины (1), Поводовы (1), Подгорецкие (2), Поздеевы (2), *Покирские* (1), Полибины (1), гречане *Поранитовы* (1), Порошины (2), *Посоховские* (1), Поярковы (1), Просоветские (1), Пустопшкины (1), Пустынниковы (1), Пыжовы (3), Пятаго (1), Рагозины (2), Разладины (1), *Рамейковы* (3), Ратисловские (2), Рожновы (2), Ртищевы (1), Рудаковы (1), Рудины (1), *Рыльские* (1), Свищевы (1), гречане *Серчевы* (1), Симоновы (1), Синявины (1), *Скоржинские* (3), Слотины (1), Сонины (1), Спесивцевы (1), Спиридоновы (1), *Стойановы* (2), Стрелковы (1), Стремоуховы (1), Строевы (1), *Сулеймановы-Дамаскины* (1), Сумороковы (4), Сухаревы (1), Сухотины (2), Телегины (1), Темиряевы (1), *Тенишевы* (3), *Теребердеевы* (1), Теряевы (2), Товарищевы (1), *Товойдаковы* (1),

Травины (3), Тупальские (1), Тухачевские (1), Тюменевы (1), Тяпкины (1), Угодские (1), Улфовы (1), Ураковские (1), кн. Урмаметевы (2), Филатдельские (1), Философовы (2), Фомины (2), Францбековы (2), Фустовы (2), Хвостовы (1), Хметевские (1), Хотунские (1), Чагины (1), Чеодаевы (2), Чевкины (2), кн. Черторыжские (2), Чортовы (1), Чубаровы (1), Чуфаровы (1), Шафровы (1), Шевхаловы (1), Шестаковы (4), кн. Шехонские (4), кн. Шихматовы (1), кн. Шляковские (1), кн. Щепины-Оболенские (1), Щепотевы (3), Щербачевы (2), Юрьевы (1), Юрьевы (2).

⁹ Правда, не все новые лица (выходцы из уездного дворянства), попавшие в московские дворяне, смогли обзавестись связями при дворе и укорениться в новой столичной среде. Встречаются случаи, когда московские дворяне сами просили о переводе их из «московского списка» на службу «с городом». Однако в рассматриваемое нами время это явление не получило широкого распространения — в боярских списках второй четверти XVII в. мы встречаем лишь около десятка помет о переводах московских дворян в городские дворяне по собственному челобитью. Таким образом, у нас нет оснований говорить о процессе оседания московского дворянства по городам в первой половине XVII в., как это происходило позднее, во второй половине столетия. Подавляющее большинство московских дворян заканчивало свою служебную карьеру в этом чине.

¹⁰ ДР. СПб., 1851. Т. II. Стб. 325.

¹¹ ДР. Т. II. Стб. 823–824; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. С. 145 (здесь вместо кн. Туренина ошибочно указан «Туренев»).

¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 33. Л. 48, 49, 59, 72.

¹³ Традиция имела место и в XVI в. Так, в своей челобитной 1634 г. московский дворянин Иван (Афанасьевич) Головленков о пожаловании права «государские очи видеть в передней» указывал: «дядя мои и отец мой блаженные памяти при государе царе и вел. кн. Иване Васильевиче всея Руси и при царе и вел. кн. Федоре Ивановиче всеа Руси видели ваши государские очи у вас государей в передней избе и в комнате, а ныне, государь, моя братия пущены в переднюю избу и в комнату» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 10. Столпик 5. Л. 261).

¹⁴ Согласно росписи московских дворян и приказных людей, которые «на праздник на Светлое Воскресение видели его государские очи в комнате и в передней избе, и в сенях» в 1618/19–1619/20 (7127–7128) гг., в «комнате» находились 72 московских дворянина, «в передней» — 97, «в сенях» — 240 (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 10. Столпик 6. Л. 289–321). Многие дворяне записаны здесь в разных рубриках дважды — «в комнате» и «в передней» с пометами «в комнату»; «в передней» и «в сенях» с пометами «в передней».

¹⁵ Собрание этих челобитных за 1628/29–1650/51 (7137–7159) гг. см.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 10. Столпик 5. Л. 229–288; см. также: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 10. Столпик 6. Л. 368–370, 382–384.

¹⁶ Интересны указания челобитной о переводе для христосования с государем во время праздника Пасхи из «передней» в «комнату» сына видного деятеля Смуты Прокопия Петровича Ляпунова Владимира Прокопьевича Ляпунова: «и отец мой

Прокофей был по вашей государской милости в Думе, а служба, государь, отца моего ко всему Московскому государству известна тебе, милосердому государю» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 10. Столпик 5. Л. 255). Большое значение при пожаловании московского дворянина «в комнату» придавалось факту его прежней службы в чине стольника. На это обстоятельство указывали в своих челобитных кн. Осип Иванович Щербатый и Венедикт Андреевич Оболенский (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 10. Столпик 5. Л. 271). В списке пожалованных на Пасху «видеть государские очи» 1618/19–1619/20 гг. содержится рубрика: «Дворяне ж в комнату и в переднюю избу не написаны, потому что были в стольниках, а иные в стряпчих, а иные в отсылках» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 10. Столпик 6. Л. 319–321). Характерно, что все лица, упомянутые здесь с пометой «в комнату», прежде служили в стольниках, а среди пожалованных «в переднюю» встречаем бывших стряпчих.

¹⁷ См.: *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века // Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI?XVII веков. М., 2006. С. 37–308.

¹⁸ См. об этом: *Глазьев В. Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 70–75.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 142. Столпик 4. Л. 48–64.

²⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 22. Столпик 1; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1106. Столпик 3.

²¹ Ф. Л. Бутурлин (окольничий), М. А. и Н. Д. Вельяминовы (окольничие), кн. Г. К. Волконский (окольничий), Ф. В. Волынский (окольничий), кн. А. А. и И. А. Голицыны (бояре), П. П. Головин (боярин), кн. Д. И. Долгорукий (окольничий), А. И. Зюзин (окольничий), В. Г. Коробьин (окольничий), кн. Ф. И. Лыков (окольничий), кн. А. М. Львов (окольничий, затем боярин), кн. А. Ф. Мосальский-Литвинов (окольничий), кн. И. Н. Меньшой Одоевский (боярин), С. М. Простев (думный дворянин, окольничий), кн. С. В. Прозоровский (окольничий), Гр. Гавр. Пушкин (думный дворянин, окольничий), Н. М. Пушкин (окольничий), кн. П. А. Репнин (боярин), кн. Ал. Ю. и Ан. В. Сицкие (бояре), Л. С. и Ф. С. Стрешневы (окольничие, бояре), кн. А. В. Хилков (боярин), кн. И. А. и И. Ф. Хованские (бояре), В. П. и И. П. Шереметевы (бояре).

²² Кн. Ф. Ф. Волконский (окольничий), И. И. Карпов-Долматов (окольничий), кн. Аф. В. Лобанов-Ростовский (боярин), Б. И., Г. И. и И. В. Морозовы (бояре), кн. И. И. Меньшой и Н. И. Одоевские (бояре), кн. Д. М. Пожарский (боярин), кн. Б. А. Репнин (боярин), Б. М. и М. М. Салтыковы (боярин и окольничий), кн. Ю. А. Сицкий (боярин), В. И. Стрешнев (окольничий, боярин), кн. Ю. А. Сулешов (боярин), кн. И. Ф. Троекуров (боярин), кн. В. П. Черкасский Ахамашуков (окольничий), кн. Д. М. Черкасский (боярин), кн. И. Б. Черкасский (боярин).

²³ Даже такое явление, как интенсивное проникновение городских дворян в состав московских чинов, означало на деле не усиление позиций уездного дворянства в государстве, а дальнейшее укрепление власти и придворного влияния представителей московской знати, благодаря покровительству которых эти новые дворяне и проникали на столичную службу (см.: *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 553).